

Русских Михаил Сергеевич

аспирант, ассистент кафедры политологии
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЗАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ П. БУРДЬЕ)**

Аннотация:

В статье рассматриваются перспективы использования концепции П. Бурдьё в этнополитических исследованиях. Названная концепция используется автором в качестве методологической альтернативы примордиалистскому и конструктивистскому подходам. Раскрываются принципы и условия политизации этнической идентичности и связанные с ней проблемы государственной политики.

Ключевые слова:

этнополитические исследования, этническая идентичность, политизация, политические стратегии, политическое представление, П. Бурдьё, структуралистский конструктивизм, сложные методологии.

Russkikh Mikhail Sergeevich

PhD student, Assistant,
Political Science Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

**GENERAL THEORETICAL ASPECTS OF
ETHNIC IDENTITY POLITICIZATION
(ON THE BASIS OF
P. BOURDIEU'S CONCEPTION)**

Summary:

The article examines the prospects of P. Bourdieu's conception application in ethno-political studies. The mentioned conception is considered by the author as a methodological alternative to primordialism and constructivism approaches. The paper discusses principles and conditions of ethnic identity politicization and related issues of public policy.

Keywords:

ethno-political studies, ethnic identity, politicization, political strategies, political representation, P. Bourdieu, structuralist constructivism, complex methodologies.

Проблема использования социальных идентичностей в качестве ресурса для достижения политических целей имеет особенное значение в современных условиях в связи с увеличением числа кризисных и конфликтных ситуаций, объясняемых культурной и этнической «почвой». Данный вопрос предельно актуален и для всего постсоциалистического пространства, на территории которого с распадом СССР и СФРЮ происходили подчас трагические события, последствия которых вплоть до настоящего момента накладывают отпечаток на международные и региональные отношения. В свою очередь сегодня мы стали свидетелями этнополитического конфликта на Украине [1, с. 85–88], перспектива разрешения которого не представляется отчетливо. Политическая практика, таким образом, показывает, что этническая идентичность не утрачивает актуальности в состоянии пост-модерна и не перестает быть потенциальным источником для политической мобилизации.

Вместе с тем обыденная трактовка такого рода ситуаций, по крайней мере, поверхностна, поскольку либо постулирует их предопределенность (историей, природой или «судьбой» этносов), либо «объясняет» их вмешательством извне, что переводит внимание с государственных проблем на уровень реального или воображаемого геополитического противостояния. Преподнесение проблемных ситуаций и их причин указанным образом скрывает социальный генезис противоречий, подменяя их объяснение распространением политизированных оценок, мнений и мифов, выдаваемых за публичный дискурс. Подобная практика используется для закрепления требуемой повестки дня и формирования политического сознания. В рамках данной статьи предлагается критический обзор использования этничности в политических целях в современных условиях, востребованный в силу того, что «путь к преодолению чрезмерной этнизации и историзации политического мышления и соответствующих практик лежит <...> через утверждение по отношению к нему рационалистических, научно-познавательных установок» [2, с. 164].

Говоря об этничности, следует учитывать неоднозначность ее научного понимания как формы социальной идентификации. В основном этничность рассматривается либо как сознание/чувство родства, образующееся вследствие *реального* и *объективного* существования этносов и других общностей и определяющее отношение к ним (примордиалистский подход), либо как обеспечивающий различие и взаимодействие *предполагаемо* существующих групп социальный конструкт («этническая идентичность конституируется, поддерживается и проявляется в социальных процессах, которые связаны с различными целями, конструкциями значения и конфликтами» [3, с. 87], однако сами этносы не существуют объективно и независимо от представлений о них;

конструктивистский подход). Поскольку обеим трактовкам свойственны концептуальные недостатки [4; 5, с. 432], представляется разумным использовать для понимания этничности компромиссное решение, намеченное в теории структуралистского конструктивизма [6, с. 181] французского социолога Пьера Бурдьё (1930–2002 гг.).

Согласно его концепции, в этнической идентичности сведены устойчиво воспроизводимые различия, отношения и ориентации, возникающие при интернализации этнически маркированного коллективного знания-памяти, объективированно передаваемого в нарративах, практиках, символическом языке, и ситуативно проступающие в контексте многочисленных форм повседневного социального поведения. Исходя из этого, этничность обладает политическим ресурсом, поскольку, во-первых, не нейтральна, дорефлексивно предопределяя логику действий в смысловых границах групп; во-вторых, по П. Бурдьё, «каждая группа <в том числе этническая, вне зависимости от способа ее понимания> имеет свои более или менее институционализированные формы делегирования прав (delegation), что позволяет концентрировать весь объем социального капитала, лежащего в основе ее существования..., в руках одного агента или небольшой группы агентов и наделять их полномочиями представлять всю группу, полноправно действовать и выступать от ее имени» [7, с. 308]; в-третьих, собственное политическое значение этничности, как и других элементов общественных отношений, не бывает окончательно зафиксированным [8, р. 22], то есть остается открытым, что позволяет вести борьбу за его (пере-)определение.

Согласно П. Бурдьё, под политикой понимается поле конкурентной борьбы агентов, обладающих символическим капиталом (в форме «авторитета» и др.) посредством представительской деятельности, за власть «создавать группы и манипулировать объективной структурой общества» [9, с. 205] через навязывание определенных способов видения, деления и конституирования социального мира (то есть идеологических конструкций). Говоря по-другому, в политике ведется постоянная борьба за придание частной позиции того либо иного представителя (политически манифестирующего «тела»: стороны, силы, партии, лица и т. д.) статуса и веса публичного (признаваемого в качестве актуального, общего и объективно обоснованного) видения ситуации. Однако здесь следует сделать два отступления.

Во-первых, для того чтобы политическое противоборство из раза в раз не принимало форму открытого конфликта, необходим четко определенный порядок объективации признания (легитимации), который сегодня обеспечивает институт государства. По П. Бурдьё, государство играет роль арбитра при столкновении агентов поля политики, будучи средоточием официального (инструментально понимаемого онтологического) знания об обществе [10, с. 201–202]. Таким образом, в государственной перспективе образуется и замыкается единое пространство политической борьбы, вне которого агенты не могли бы занимать позиции друг относительно друга и, соответственно, противостоять.

Во-вторых, политические изменения не безграничны: создание (точнее оформление) групп не происходит из ничего, для него используются политические стратегии, основанные на сохранении либо изменении видения существующих форм социальной идентификации. По П. Бурдьё, данные стратегии преимущественно «нацелены на ретроспективное конструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего» [11, с. 199]. В таком случае политическая состоятельность этноса/этничности выводится из идеологической пересборки исторических нарративов (спекуляций на тему коллективного знания-памяти) и (или) путем политического мифологизирования. Последнее объясняется тем, что собственно исторические нарративы не способны оказать на членов «потенциальной» группы решающего конституирующего воздействия. Отметим, что вероятность принятия спекуляций как правомочных воззрений зависит от степени доверия к объяснительным установкам, обеспечивающим актуальный и «естественный» (доксический, по П. Бурдьё [12, с. 37]) характер того либо иного социально-политического порядка в целом.

Согласно концепции П. Бурдьё, политизация группообразующих признаков (в том числе этничности) всегда носит диалектический характер: именование и оформление групп, их «объективной» воли и требований, производимые в актах политического представления (через выступления от имени группы, программы, использование символического языка), взаимосвязаны [13, с. 36]. Тем самым политическая актуализация этнической идентичности, особенно в кризисных ситуациях, создает условия для приостановки действия текущего порядка и делает осуществимым переопределение политического значения групп (сообществ) и, следовательно, символических, социальных и физических границ «их» территорий, подчас в отчетливо антагонистической форме, что приводит к деактуализации других политически значимых идентичностей (национальной, классовой и др.). Агентами изменения в таком случае, помимо собственно политических организаций, могут становиться и связанные военизированные формирования, и общественные объединения,

создаваемые под началом этноцентрически ориентированных политических сил, бюрократии, бизнеса и интеллектуальных кругов.

Политизация этнической идентичности, таким образом, обладает собственной внутренней логикой: в фундаменте стратегии находится интенция переопределения оснований для политического представления и, соответственно, для накопления символического капитала, необходимого при выстраивании и поддержании политического субполя внутри государства, ограничиваемого смысловым контуром «этнической территории». Подобное практикуется и в Российской Федерации, соединяясь с требованиями придания приоритетного значения этнической идентичности (как таковой либо в определенном «срезе») над национальной. К актуальным примерам относятся попытки политизации крымско-татарской, ряда северокавказских и финно-угорских идентичностей в рамках государственной политики [14; 15; 16; 17; 18; 19].

В радикальных проявлениях политизация этничности связана с борьбой за автономию существования этнополитического субполя, этнонационализмом и сепаратистскими действиями, в контексте чего происходит дезинтеграция общей национальной идентичности, ведущая к кризису легитимности. Несмотря на влияние глобализации [20, с. 519–521], государство остается единственной объективно признаваемой формой сосредоточения и легитимации политической власти, а понятия «государство» и «нация» совпадают друг с другом [21, с. 95]. Однако распад национальной идентичности, «надстроенной» поверх субнациональной этнической, сводит на нет способность государства объективировать борьбу агентов в пределах общего пространства политических отношений. Таким образом, отступая либо прибегая к спорным силовым действиям, государство открывает для этноцентрически ориентированных сторон политической борьбы перспективу установления источника легитимности, связанную с наделением частной этнической идентичности *решающим* политическим значением. Последнее, становясь базовым принципом видения и конституирования конкретного сообщества, объективируется при строительстве (символическом «восстановлении» или создании) новой государственности, обоснование которой складывается с использованием исторических, моральных и (или) юридических аргументов.

Следует отметить, что легитимность агентов политического поля в новых, как правило, ограниченно признаваемых государствах зависит от способности обеспечивать непрерывность действия актуализированной ими ранее политической стратегии строительства нации, что способно приводить к так называемому «эффекту колеи» (*path dependency*). Вместе с тем этническая идентичность не может стать полноценно национальной без преодоления противоречий и конфликтов, возникающих вследствие трансформации условий накопления экономического, политического и культурного капитала в обществе. В контексте политической стратегии национального строительства последние решаются либо через поиск консенсуса, либо путем дискриминации (преследования по групповому признаку, ограничений или отказов в предоставлении гражданских прав, запретов на создание политических организаций определенного типа, насильственных переселений, этнических чисток). В целом новые нации-государства возвращаются к полисной модели устройства с приоритетным вниманием к родовой («кровной») идентичности, тогда как этничность, использовавшаяся в качестве основания для преобразовательной политики, становится неприкосновенным политическим фетишем.

Исходя из этого, к практическим выводам для современных государств, сталкивающихся с проблемой политизации этнической идентичности, нужно отнести следующие.

1. Развитие гражданской (общенациональной) политической культуры имеет первостепенное значение, поскольку способствует целостности восприятия политического процесса, придает однородность и синхронность ориентациям разных социальных групп, не приводя к актуализации их частных аспектов.

2. Все формы этнизации государственной политики могут усиливать этнополитический компонент в действиях представителей групп, на которых данная политика направлена, что в перспективе задает условия для политизации указанной формы идентичности. Нормативное закрепление особого статуса этносов потенциально способствует гетерогенности в развитии политического сознания.

Ссылки:

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // Полис. 2015. № 5. С. 75–93.
2. Боров А.Х., Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157–166.
3. Калхун К. Национализм. М., 2006.
4. Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной идентичности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. XII, № 1. С. 141–159.
5. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 429–442.

6. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. М., 1994. С. 181–207.
7. Бурдые П. Формы капитала // Классика новой экономической социологии. М., 2014. С. 293–315.
8. Laclau E. The Impossibility of Society // Canadian Journal of Political and Social Theory = Revue canadienne de théorie politique et sociale. 1983. Vol. 7, no. 1–2. P. 21–24.
9. Бурдые П. Социальное пространство ... С. 205.
10. Там же. С. 201–202.
11. Там же. С. 199.
12. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности [Электронный ресурс] // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 33–41. URL: <http://ruthenia.ru/logos/number/39/03.pdf> (дата обращения: 01.04.2016).
13. Там же. С. 36.
14. Обращение Меджлиса крымско-татарского народа в связи с нарушениями прав человека и крымско-татарского народа в Крыму [Электронный ресурс]. URL: <http://qtm.org/новости/4545-обращение-меджлиса-крымскотатарского-народа-в-связи-с-нарушениями-прав-человека-и-крымскотатарского-народа-в-крыму> (дата обращения: 01.04.2016).
15. Об угрозе закрытия независимых крымско-татарских СМИ в Крыму [Электронный ресурс] : заявление Меджлиса крымско-татарского народа. URL: <http://qtm.org/заявление-меджлиса-крымскотатарского-народа-об-угрозе-закрытия-независимых-крымскотатарских-сми-в-крыму> (дата обращения: 22.04.2016).
16. Ажахов К.М. Обращение Международной Черкесской Ассоциации (МЧА) к президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву [Электронный ресурс]. 2009. 10 марта. URL: http://mcha.kbsu.ru/m_Obr1.htm.html (дата обращения: 22.04.2016).
17. Ажахов К.М. Руководителям общественных Организаций «Адыгэ Хасэ», входящим в состав МЧА [Электронный ресурс]. 2010. 5 окт. URL: http://mcha.kbsu.ru/m_Obr1.htm.html (дата обращения: 22.04.2016).
18. Шабаяев Ю.П., Шилов Н.В., Садохин А.П. «Финно-угорский мир»: миф, макроидентичность, политический проект? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 147–155.
19. Шабаяев Ю.П., Садохин А.П. Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финно-угорский мир России в материалах переписи 2010 г. // Полис. 2013. № 3. С. 113–125.
20. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макрю, Дж. Перратон. М., 2004.
21. Мартыянов В.С. Строительство политической нации и этнонационализм [Электронный ресурс] // Логос. 2006. № 2 (53). С. 94–109. URL: <http://ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf> (дата обращения: 23.04.2016).

References:

1. Pantin, VI & Lapkin, VV 2015, 'Ethno-political and ethno-social processes in the post-Soviet space (case study of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine)', *Polis*, no. 5, p. 75-93.
2. Borov, AN & Muratova, EG 2011, 'North Caucasus in modern public discourse', *Social studies and the present*, no. 4, p. 157-166.
3. Calhoun, C 2006, *Nationalism*, Moscow.
4. Nizamova, LR 2009, 'Compound concept of modern identity: limits and possibilities of the theoretical synthesis', *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XII, no. 1, p. 141-159.
5. Drobizheva, LM 2010, 'Ethnicity in contemporary society, new approaches, old myths, social practice', *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 1, p. 429-442.
6. Bourdieu, P 1994, 'Social space and symbolic power', *Origins*, Moscow, p. 181-207.
7. Bourdieu, P 2014, 'Forms of capital', *Classics of new economic sociology*, Moscow, p. 293-315.
8. Laclau, E 1983, 'The Impossibility of Society', *Canadian Journal of Political and Social Theory / Revue canadienne de théorie politique et sociale*, vol. 7, no. 1-2, p. 21-24.
9. Bourdieu, P 1994, 'Social space and symbolic power', *Origins*, Moscow, p. 181-207.
10. Bourdieu, P 1994, 'Social space and symbolic power', *Origins*, Moscow, p. 181-207.
11. Bourdieu, P 1994, 'Social space and symbolic power', *Origins*, Moscow, p. 181-207.
12. Bourdieu, P 2003, 'Describe and prescribe. A note on the possible conditions and limits of political efficacy', *Logos*, no. 4-5 (39), p. 33-41, retrieved 01 April 2016, <<http://ruthenia.ru/logos/number/39/03.pdf>>.
13. Bourdieu, P 2003, 'Describe and prescribe. A note on the possible conditions and limits of political efficacy', *Logos*, no. 4-5 (39), p. 33-41, retrieved 01 April 2016, <<http://ruthenia.ru/logos/number/39/03.pdf>>.
14. *Statement of the Mejlis of Crimean Tatar people concerning the violations of human and Crimean Tatar people rights in Crimea* 2016, retrieved 01 April 2016, <<http://qtm.org/новости/4545-обращение-меджлиса-крымскотатарского-народа-в-связи-с-нарушениями-прав-человека-и-крымскотатарского-народа-в-крыму>>.
15. *The threat of independent Crimean Tatar media to be closed in Crimea: a statement of the Mejlis of the Crimean Tatar people* 2016, retrieved 22 April 2016, <<http://qtm.org/заявление-меджлиса-крымскотатарского-народа-об-угрозе-закрытия-независимых-крымскотатарских-сми-в-крыму>>.
16. Azhahov, KM 2009, *The appeal of the International Circassian Association (ICA) to the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev*, March 10, retrieved 22 April 2016, <http://mcha.kbsu.ru/m_Obr1.htm.html>.
17. Azhahov KM 2010, *To the leaders of "Aдыгhe Khase" public organization, which is part of the ICA*, Oct. 5, retrieved 22 April 2016, Mhttp://mcha.kbsu.ru/m_Obr1.htm.html>.
18. Shabayev, YP, Shilov, NV & Sadokhin, AP 2010, "'The Finno-Ugric world": a myth, a macroidentity, a political project?', *Social studies and the modernity*, no. 1, p. 147-155.
19. Shabayev, YP & Sadokhin, AP 2013, 'The discourse of ethnic and civic identity. Russian Finno-Ugric world in materials of 2010 census', *Polis*, no. 3, p. 113-125.
20. Held, D, Goldblatt, D, McGrew, E & Perraton, J 2004, *Global Transformation.: Politics, economy, culture*, Moscow.
21. Martjanov, VS 2006, 'Political nation-building and ethno-nationalism', *Logos*, no. 2 (53), p. 94-109, retrieved 23 April 2016, <<http://ruthenia.ru/logos/number/53/07.pdf>>.